

Не подумайте, что я отсталый человек. Но когда от сына случайно узнал, что в Москве есть эротический театр, не поверил! Что же — там всё так и показывают? Одно дело — в кино. Да и в кино, я вам скажу, слишком уж нынче перебарщивают — где надо и где не надо. Но театр! Может, я чего-то не понимаю? Сын говорит, что это искусство...

Может быть, вы расскажете поподробнее?

В. ШИМАНОВ,
пенсионер

гор. ЖУКОВСКИЙ

— Зрителей не выбирают, — грустно говорит Александр Демидов, режиссер «не привычного» театра. — А когда мне некоторые зрители заявляют, что на моих спектаклях было мало эротики, я вовсе пожимаю плечами. Наверное, они ждали, что я им покажу в чистом виде половой акт. Но тогда это будет, вы меня извините, порнография! Во многих странах Запада порнография официально запрещена, с ней борются, то есть знают, что это такое. А мы до сих пор не знаем.

— То, что вы мне говорите, вам как режиссеру не приходилось доказывать на более высоком уровне?

— Нет. Но, быть может, у меня все еще впереди. А по образованию я театральный критик, окончил ГИТИС в 1968 году. Написал несколько книг по балету. Пятнадцать лет проработал в журнале «Театр», десять

лет только несовершенства тела. А что касается подзорных труб... Если люди, идя на спектакль, хотят посмотреть только на обнаженных женщин, то, может быть, я третий, пятый раз им откроется на сцене и нечто большее...

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА. Мне не было страшно выйти на сцену. В школе бывало страшно, когда вызывали и досме. Я жила с родителями. Они были на спектаклях. Если честно, они не очень доверяют вообще театральной среде, про авторов ведь чего только не говорят! А мои сверстники любят бывать на спектаклях. В театре Демидова я почувствовала самое главное — уверенность в себе, ощущение внутренней свободы. Я перестала жить с оглядкой: что обо мне скажут соседи... Как я понимаю сексуальную свободу? Я понимаю только любовь. А это и ум, и душа, и интимная близость. Но без первых двух составляющих любовь не бывает. Остаются сексуальная невоспитанность, распущенность. На одном из наших спектаклей в зале было много подвыпивших подростков. Они вслух, живо комментировали действия. Но все равно — пусть они лучше посмотрят красивую эротику в спектакле, чем останутся в жизни на уровне пошлого анекдота. Что читаю? Как всегда, Чехова, на все случаи беру с собой сборники его пьес.

ОЛЬГА РОГОЗИНА. Я живу с мамой. Мама у меня не консервативный человек, но мне самой долгое время было как-то боязно звать ее на спектакль — я боялась, что она не поймет, а меня бы это очень огорчило, потому что я убеждена в красоте нашей работы. Сегодня мама снова была на спектакле — она в восторге. Ради театра я бросила институт на пятом курсе, перед самым дипломом. Это не лагерь мысли. Как дальше? Театр — моя жизнь. Здесь я стала другим человеком. У Демидова, на каком бы плане ни был актер, не существует

Лит. Россия.-1929.-190км.(N41).-С.21.

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

СМОТРА КТО В ЗАЛЕ...

Сцена из спектакля «Герл»
(на темы «Битлз»)

из них — заведующим отделом критики. Там, в моем кабинете, когда сотрудники расходились вечером, и начинались первые репетиции. С тех пор минуло десять лет.

— Репертуар ваш десять лет назад, конечно, был иным?

— Конечно. Первый спектакль «Ромео и Джульетта» мы показали в 1979 году. Это, условно говоря, был одетый спектакль, хотя очень чувственный, эротичный. Эротики, на мой взгляд, вообще лежит в основе искусства. В спектакле эротика — элемент художественной эстетики. Это отнюдь не самоцель. «Ромео и Джульетта» нравилась Любимову. Он пригласил нас, и мы выступали на Таганке. Недолго, правда. Вообще мы десять лет прожили бесплатно. Без единой копейки. На чистой любви к нашему делу. Где мы только не скитались! Потом пристроились в одном институте. Там я нашел одаренных людей — они бросили институт ради театра, я соединил их с профессиональной частью, и эта труппа работает сейчас. А нынешний репертуар был создан на третьем этаже кинотеатра «Славя», в холодном, захлапленном зале документального фильма...

— Для иностранных зрителей театр таного рода, как ваш, по-видимому, не нов?

— Когда иностранцы стали появляться на моих спектаклях, я не очень их понимал... Но потом решил, что для них в этом все-таки есть некоторая новость. Они ведь привыкли к чистому шоу. А это сюжетно, построено драматургически и психологически, это не просто конкурс красоты, не варьете. Это типы, характеры, ситуации из жизни.

— И ваши антриссы сразу же это понимают?

— Им всякий раз давалась определенная психологическая задача, и они действовали в рамках, так сказать, психологизированной содержательной эротике. Девушки подошли очень просто и естественно к этому, наверное, еще и потому, что они все очень чистые люди.

АННА БЫСТРОВА. Я закончила ГИТИС в 1982 году. После ГИТИСа, работая в Театре сатиры, я пыталась найти какой-то выход, ибо работа не устраивала. Демидов сам позвонил мне. Конечно, меня очень часто спрашивают по поводу обнажения. Странная вещь, но это обнажение тела мне как актрисе дало возможность расширяться внутренне. Это шло не как показ тела, а как освобождение, когда эмоция выходит на простор — все расслабляется, все зажимы, все болевые точки... И я почувствовала свою человеческую, личностную силу, без которой вообще невозможно работать на сцене. Первый раз мне было страшно выйти на сцену. Но я стыди-

лась только несовершенства тела. А что касается подзорных труб... Если люди, идя на спектакль, хотят посмотреть только на обнаженных женщин, то, может быть, я третий, пятый раз им откроется на сцене и нечто большее...

— Мое поколение, — продолжает Демидов, — росло в условиях жуткого сексуального зажима. Но мои одноклассники нередко бываю на спектаклях, и, как это ни странно, чем старше люди, тем здоровей они воспринимают. Самая опасная прослойка зрителей, думаю, в возрасте от 40 до 45 лет.

— Нет ли здесь взаимосвязи с политической развращенностью людей?

— Безусловно. И если мы хотим оздоровить общество в отношении половой культуры, нужно в первую очередь не врать политически. Это основа эстетического воспитания. А его конечная цель — восхищение красотой. В том числе красотой обнаженного женского тела.

ИНТЕРВЬЮ В АНТРАКТЕ
ДМИТРИЯ НЕВСКИЙ (студент МИФИ, 21 год, не женат). Здесь искусство. А видео порнография быстро надоедает. Возражал бы я, если бы моя девушка играла в таком спектакле? Нет. А что здесь страшного?

САША (инженер-математик, 36 лет) и **ЛЕНА** (социолог, 33 года). (Собираются пожениться.)

САША. Нет, я не чувствую никакого неужюта, придя со своей навесткой.

ЛЕНА. Разрешила бы я своей дочери играть здесь? Я бы спросила ее саму. Смогла бы сама? С точки зрения психологического барьера — смогла бы. Мои подруги? Очень по-разному. Все зависит от воспитания, семьи. Я думаю, такой театр может послужить хорошей целью — снятию определенных запретов, закладываящих психику.

ВЕРА ИВАНОВА (30 лет, замужем, культпросветработник). Подзорные трубы в зале? Это говорит о том, что все хотят знать, что это такое!

Так что же это такое?

Александр Демидов:

— Мой театр — о женщине и о любви.

Это...

Не надо, не стоит ничего объяснять. Каждый поймет по-своему. У меня, во всяком случае, театр Демидова протеста не вызывает. Это зрелище заставляет думать, хотя кто-то, наверное, после представления схватится за порножурналчик, дабы усилить впечатление. А другой напишет. Нет, не рецензию — полетит, и долетит куда следует бумажка в защиту нравственности. А третий... Кто он, посвятивший Ане Быстровой стихи, — их передали ей после спектакля? Стихи красивые, чуть наивные. Аня к такому еще не привыкла. Увы...

Глеб КУЗЬМИН